

УДК 82+372.8:821.161.1 (07)

Марія Жигалова,
доктор педагогических наук,
доцент, доцент кафедры педагогики
Брестского государственного
университета имени А.С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ
БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ
(на примере интерпретации и анализа
в вузе переводов произведений Ю.И. Крашевского)

*«...наследие великого поэта принадлежит
всем славянским народам, всей
Европе, всей земной цивилизации»
(А. Мальдис «Гении не делятся» //
Советская Белоруссия от 23.12.2008)*

У статті показано, як під час вивчення в університеті авторського курсу літератури білорусько-польського прикордоння на прикладі інтерпретації та аналізу російськомовної лірики білорусько-польського прикордоння, розбору художніх творів та їх перекладів формуються духовні цінності студентів, розвиваються їхні інтелектуальні здібності, консолідується соціум.

Ключові слова: *культура, вітальність, мультикультурність, комунікація, інтерпретація, аналіз, російськомовна література, лірика, консолідація, соціум.*

В статье показано, как при изучении в университете авторского курса по литературе белорусско-польского пограничья на примере интерпретации и анализа русскоязычной лирики белорусско-польского пограничья, разбора художественных произведений и их переводов формируются духовные ценности обучаемых, развиваются интеллектуальные способности, консолидируется социум.

Ключевые слова: *культура, витальность, мультикультурность, коммуникация, интерпретация, анализ, русскоязычная литература, лирика, консолидация, социум.*

The article shows, how a study at university of an author's in the course of literature of the Belarus-Polish border zone on an example of interpretation and the analysis of Russian-speaking lyrics of the Belarus-Polish border zone, analysis of the works of art and their transfers into cultural wealth of trainees forms mental abilities to develop and consolidate with the society.

Key words: *culture, vitality, multy-culturalism, communications, interpretation, the analysis, the Russian-speaking literature, lyrics, consolidation, society*

Возрастание роли межкультурной коммуникации, обусловленное интенсивными процессами глобализации, выводит на первое место проблему витальности культур и литератур в мировом мультикультурном пространстве [17], а в литературоведении – проблему антропоцентризма, изучения личности, этноса, народоведческого потенциала литературы [2]. И в этой связи русскоязычная литература Брестско-Подляского Пограничья конца XX – начала XXI вв. особенно интересна и значима, так как развивается в особых условиях балансирования на стыке многих культур, что характерно для мультикультурного пространство региона [8–9, 11].

И это не случайно. Современная русскоязычная литература, успешно функционируя и развиваясь в условиях поликультурности, является специфическим направлением в отечественном литературоведении, отражающем взаимодействие элементов белорусской, русской, украинской и польской культур. Вместе с тем она формирует и коммуникативную мультикультурную личность, способную к консолидации социума [10; 12].

Сегодня это сложное и неоднородное литературное явление почти не изучено. Оно представлено разными поколениями прозаиков, поэтов Брестско-Подляского региона, отличается художественной манерой, языком, стилем, тематикой. Произведения русскоязычных писателей Пограничья обладают редким качеством: созданные на русском языке, они являются не только белорусскими по своей ментальной сути, но и мультикультурными, отражающими культуру многих этносов, а значит, способствующими гармонизации человеческих отношений [13–15].

Курс «Русскоязычная литература Брестско-Подляского Пограничья XX – начала XXI вв.»¹ направлен на знакомство с русскоязычной литературой Брестско-Подляского Пограничья как системой и специфическим направлением в отечественном литературоведении, особенностями её функционирования; на изучение многовекторности творчества русскоязычных художников слова Брестско-Подляского Пограничья; на осознание и осмысление студентами специфики русскоязычной литературы региона, её содержания, языка и стиля художников слова, способов отражения мультикультурности; на освоение студентами знаний об отечественном литературоведении как сложной многонациональной и межкультурной системе; на совершенствование самообразования студентов и развитие возможных путей креативной работы по исследованию литературных явлений в регионе².

¹ Спецкурс «Русскоязычная литература Брестско-Подляского пограничья XX – начала XXI вв.» для специальности: 1-21 05 02 Русская филология изучался в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина в течение многих лет.

² Использованы книги на польском языке: Igliwia Smak. Antologia wierszu o Podlasiu. Romanow –

Для эффективного усвоения содержания дисциплины целесообразно сочетать традиционные методы обучения (репродуктивный, объяснительно-иллюстративный, эвристический, исследовательский и др.) с современными образовательными технологиями. Программа ориентирована на преподавание дисциплины в следующем объеме: общее количество часов – 52, из них аудиторных – 34, лекции – 20, практические занятия – 14.

В программном курсе изучается и творчество польских поэтов. Знакомству с творчеством Ю. Крашевского и переводам его произведений на русский язык отводится четыре занятия.

На *первом занятии* студенты знакомятся с судьбой и творчеством поэта как основателем польского романа, критика, литературоведа, фольклориста, этнографа, издателя, редактора, философа, историка, краеведа, музыканта, художника, искусствоведа, титана мысли. Даются и его произведения о Брестчине: «Пинск и его окрестности», «Воспоминания о Полесье, Волини и Литве», «Картины жизни и путешествий», а также переводы на русский язык.

На *втором занятии* происходит знакомство со страницами Брестско-Подляского Пограничья: Долгое (Беларусь) и Романов (Польша) и их роли в судьбе и творчестве Ю. Крашевского; с отражением белорусской культуры в его сборнике «Дары пилигрима» (раздел «Над Неманом, над Вилией...»), стихотворением «Деревня», в которых отражён Полесский край, Волинь (стихотворения «Часто...» и «Во что верю?», «К***»). Стихотворения «Родина, Польша моя...», «Земля польская...», «Чужие края». Любовь в понимании Ю. Крашевского и её отражение в стихотворении «Два слова». Переводы и переводчики. Память о Ю. Крашевском на Брестчине, в Пружанах. Тема «малой родины», её осмысление Ю. Крашевским и переводчиком его стихов на русский язык Р. Гусевой в стихотворении «Долгое и Романов» (2010). Ретроспективный взгляд переводчика на главные жизненные ценности в стихотворении Ю. Крашевского «Романов».

На *третьем занятии* студенты читают, интерпретируют и анализируют стихи и прозу Ю. Крашевского в переводах Р. Гусевой в сборнике «К Крашевскому в Романов и Долгое» (2009). Ретроспективный взгляд автора на свою жизнь и главные ценности в ней в сборнике «Моя пора. Стихи и проза» (2009). Тема материнства, любви и творчества в разделах сборника «Мой дом», «Вечный вызов». Воспоминания брестского тележурналиста в разделе сборника «Шутливый серьёз, или То, что осталось за кадром». Впервые переведённые с польского на русский язык стихотворения Ю. Крашевского и небольшие фрагменты из его эпической трилогии «Анафеляс» в сборнике Р. Гусевой «Третья попытка. Лирика. Переводы» (2010).

Międzyrzec Podlaski – Biała Podlaska, 2001; Anna Czobodzińska – Przybyławska, Halina Kostka – Chybowska. Na marginesie twórczości literackiej. Malarskie pasje Józefa Ignacego Kraszewskiego. – Muzeum J.I. Kraszewskiego w Romanowie, 2007; Bibliografia literatury polskiej «Nowy Korbut». Tom 12. Józef Ignacy Kraszewski. Zarys bibliograficzny. – Krakow: Wydawnictwo Literackie, 1967.

На *четвёртом занятии* рассматривается проблема отражения полиэтнических судеб славян в творчестве И. Гусевой. Проблема этнической принадлежности и поиск ответа на вопрос: «Кто я?» в сборнике И. Гусевой «На языке любви» [3, с. 146]. Отражение мультикультурного пространства и единства народов в разделах сборника: «Прибалтия», «Крымские акварели», «Свет Гринландии», «И вновь Рождественская ёлка...», «На родине отца...». Стихотворения: «Я – рижанка, я – брестчанка...», «Белоруссии», «Москва – котёл, кипящий днём и ночью» как символ консолидации мультикультурного социума. Избранные переводы с польского. Сборник переводов И. Гусевой «Дары пилигрима» (2010).

Как видим, программа даёт представление студентам о жанрово-стилевом и тематическом многообразии лирики пограничья. Остановимся лишь на интерпретации и анализе отдельных произведений Ю. Крашевского в переводах на русский язык и покажем, какие духовные ценности открываются студентам при чтении переводов поэта.

В контексте обозначенной проблемы нас будут интересовать возможности диалогической и полилогической форм анализа как средства формирования духовного мира читателя, предполагающего не только педагогическое сопровождение разбора художественного произведения на занятии, но и самостоятельность аналитических наблюдений. При этом мы учитывали и тот факт, что анализ художественного произведения как эстетического целого на занятиях предопределяет специфику диалогического и полилогического единства «вопрос – ответ», «вопрос – дискуссия». Пойдём вслед за немецкими учёными [19]. Так, Egon Werlich считал, что выявлять читательское восприятие можно через серию вопросов, которые направлены на развитие разных сторон деятельности читателя. Это *вопрос-репродукция* (fragen reproduzierender Dialog), который помогает установлению диалога между читателем и сюжетом художественного произведения. *Вопрос-развитие* (fragen entwickelnder Dialog), *вопрос-абстракция* (kreativ entfaltetes Gespräch), *вопрос-творчество*. Если говорить о смысловой части анализа, то здесь предлагается следующая логическая цепочка: от части (Teilhemafragen) к целому (Belegstellenfragen) и к повторению и обобщению (Wiederholungsfragen).

Мы отмечаем, что специфика разбора произведения, как известно, состоит в первую очередь в диалектическом сочетании элементов анализа и синтеза: поставленный вопрос предполагает детальное рассмотрение одного из компонентов целого (анализ), варианты ответов учащихся выстраиваются с учётом художественного целого и создают базу для обобщённого понимания этого целого (синтез).

Специфика анализа состоит также и в том, что здесь всегда присутствует диалектическое соотнесение эмоционально-образного восприятия текста и его аналитического освоения. И, наконец, специфика анализа заключается ещё и в том, что свои суждения читатель должен уметь подать через вопрос, речь, слово, что свидетельствует о важности

формулировок вопросов, поставленных в ходе анализа, реплик-стимулов, непосредственно ориентированных на ответ-реакцию. Всё это, по мнению М. Бахтина, «провоцирует ответ, предвосхищает его и строится в направлении к нему» [1, с. 106], подсказывая определённые словесно-образные формулы-«ориентиры». Что же касается лирического произведения, то здесь нельзя не согласиться с З. Смелковой, которая утверждает, что «при анализе лирического стихотворения особенно важно сохранить индивидуальность восприятия, личность эмоционального отклика читателя» [21, с. 128]. Да, это так. И вместе с тем желание читателя облечь в слова своё первое впечатление может достаточно серьёзно корректироваться преподавателем и писательским суждением под воздействием тех вопросов, которые будут обсуждаться в ходе анализа произведения. А умело проведённый разбор, размышления над поэтическим словом, суждения, подсказанные вопросами, помогут читателям углубить понимание лирического образа-переживания. В данном случае правомерно говорить о диалоге и полилоге с «воображаемым собеседником»: поэтом, лирическим героем, преподавателем-читателем и читателем-студентом. Поэтому проблема, как нам кажется, состоит в том, насколько бережным и тактичным будет «посредничество» преподавателя, чьи методы, вопросы и логика суждений будут определять и динамику движения мысли читателя: от слова к образу и от образа – к идее.

Вместе с тем, немецкий профессор Лутц Кюстер (Lutz Küster) заметил [20, с. 26], что притязание на точное понимание текста и предполагаемая адекватная его интерпретация возможна лишь при соответствующем целенаправленном обучении этому. Читателям предлагается продвигаться по схеме анализа художественного произведения, которую преподаватель по частям излагает сначала устно, а затем уже в комплексе записывает на доске и поясняет наглядно на конкретном примере. Палитра возможностей здесь широкая и разнообразная. По мнению Lutz Küster, она членится на так называемые «pre» while-und postreading activities, а также обозначается как «circum-textuelle Verfahren» (креативно-текстуальный метод).³ Правда, благодаря этому методу, оживляется интерес обучаемых в первую очередь к постижению сюжета, но ведь без него невозможно и постижение художественного произведения как целостной литературной системы. Поэтому вполне оправдано вырабатывать у студентов умения целостного *интегрального анализа*, когда художественное произведение рассматривается как эстетическое целое, включающее интегральные знания о человеке. И в этой связи в монографиях [6–8] автора данной статьи описан такой тип анализа. Он включает элементы культуры, психологии, филологии, сопоставления, интертекста, которые во взаимосвязи дают студентам комплексное представление о содержании, теме, идее, структуре, образном строе произведения, о языке и стиле писателя, наконец, о человеке как

³ Более подробно об этом можно прочитать в публикациях Gaspari-1994, 1995; Bludau – 1988; Glaap – 1996; Sowie Mundzek – 1990.

представителе своей эпохи. Анализируя произведение, читатель познаёт культуру, отражённую в произведении, психологию писателя и персонажа, отмечает элементы интертекста, то есть те мотивы, сюжеты и образы, фрагменты текстов, которые художник слова включил в своё произведение, чтобы донести читателю основную его идею.

Что же касается анализа лирического произведения, то он имеет определенную специфику и начинается обычно с *дотекстовой фоновой информации*, которая помогает проникнуть в историческую основу текста, мировоззрение художника слова, понять мотивы обращения поэта к данной проблеме, а значит, подготовить читателя к постижению художественного произведения. Выявление *сильных позиций* произведения (а это название, первая и последняя фразы, ключевые и доминантные слова, антропонимы и т. д.) помогут студенту-читателю определить тему и идею, характер лирического героя. *Анализ лексического, морфологического строя произведения, фоники, ритмики, рифмы, синтаксиса, подтекста, изобразительно-выразительных средств* дадут представление студентам о характере лирического героя, стиле художника слова. Заметим, что каждый элемент анализа имеет специфические особенности, но все вместе они дают широкую панораму русской культуры.

Читатель постигает описанные в произведении традиции и обычаи, черты характера определённого этноса и историю его развития, психологию человека, тем самым, расширяя своё культурно-информационное и нравственно-психологическое поле, формируя стиль общения читателя в мировом культурном пространстве, помогая осмыслить художественное произведение как эстетическое целое, рассмотреть его как посредника в общении представителей разных культур.

Рассмотрим данную «модель» интерпретации и анализа на примере переводов на русский язык лирических произведений Ю. Крашевского, творчество которого (стихотворения «Два слова», «Солнце», «Земля польская», «Чужие края», «Долгое и Романов», «Романов») в переводах И. Гусевой, Р. Гусевой, Л. Красевской на русский язык [3–5]. Покажем, как используется авторская методика интерпретации и анализа на занятиях с целью постижения студентами-читателями духовных ценностей.

После прочтения стихотворения Ю. Крашевского «Два слова» [3, с. 148–149], студенты отмечают, что автор говорит о любви, как о великой ответственности человека за судьбу того, кого любишь, о любви как постоянной работе души:

*На всех наречьях и на языке души
Роднят всех нас два слова.
Они, как в засуху капли росы.
В них смысл сокровенный живого.*

*Как в океане жизни две жемчужинки,
Как звёздочки две в небе.*

*Нам от рожденья святят, нужные,
Два слова:*

– Kochat siebie.

*Бог, сотворив человека,
Хотел увенчать его в небе,
Бессмертное открылось сверху веко.*

Взглянул и рек:

– Kochat siebie.

*С тех пор на земле тот счастлив,
Так счастлив, словно в небе,
Кто сказал те слова прекрасные:*

– Kochat siebie.

*Но счастливее в тысячу раз,
Кто услышал, как перифраз,
С милых губ, словно с неба:*

– Kochat siebie.

*Наисчастливейший, кто говорил, повторял и слышал,
Звук этих слов навеки душа сохранит,
Воспоминание о них страданье утешит
И в смертный час утром в небе зарей заблестит.*

*Счастлив, кто – Kochat siebie – слышал от матери милой,
Кого седовласый отец благословил.*

*Кто верную дружбу познал, кто из уст любимой –
Kochat siebie! – услышал, не зря он на свете жил!*

*Счастливый! Когда мир стеною встал между ними,
Ломая её, поднимались, чтоб встретиться в небе,
Лучше не жить, чем жить порознь любимым,
Мир, покидая навек, услышать:*

– Kochat siebie.

*Ты же, кто скуп был на слёзы, порывы благие,
Кому – Kochat – никто никогда не сказал,
Пусть даже все наслажденья изведал земные,
Но без любви ты и тени счастья не знал.*

*Ибо нет на земле и в небе
Таких, как эти два слова,
Музыкой сфер звучит снова:*

– Kochat siebie.

(Долгое, 1834)

Дотекстовая информация, на которую укажут студенты, поможет понять мотивы и время написания стихотворения. Они отметят, что оно написано Ю. Крашевским в то нелёгкое время (1830–1849), когда большая часть Беларуси после третьего раздела Речи Посполитой, входила в состав

Российской империи. После подавления восстания 1830–1831 гг., целью которого было восстановление Речи Посполитой в границах 1772 года, Виленский университет стал центром возникновения и деятельности нескольких тайных обществ (филоматов и филаретов). В обществе филоматов изучали истоки белорусской культуры и истории, белорусский язык, традиции и фольклор. Поступивший в 1829 году в Виленский университет, Ю. Крашевский оказался в гуще событий и был арестован за причастность к деятельности противоправительственных обществ в декабре 1830 года. После заключения в тюрьму и пребывания в военном госпитале до марта 1832 года, он был освобождён и сначала проживал под надзором в Вильно, а затем на арендованных или собственных поместьях на Полесье (д. Долгое на Пружанщине (ныне Беларусь) и Вольни).

Что же вложил автор в эти два слова *Kocham ciebie* (в переводе с польск. «люблю тебя»)? От каких слов билось и трепетало его сердце?

Студенты отмечают, что уже в *первых строках* стихотворения автор делает акцент на то, что самые главные в жизни слова звучат похоже на всех языках мира, потому что произносятся не голосом, а сердцем «на языке души». В последних строках автор подчёркивает красоту этих слов, как будто это не слова, а настоящая музыка, мелодия души, которую по-настоящему услышать можно только сердцем.

Ключевые слова («на языке души», «два слова», «смысл живого», «в океане жизни», «от рожденья светят», «Бог хотел увенчать», «рек», «тот счастлив, кто сказал», «но счастливее, кто услышал», «наисчастливейший, кто говорил, повторял и слышал», «кто слышал от матери», «кого отец благословил», кто дружбу познал», «кто скуп был на слёзы, кому никто никогда не сказал, без любви счастья не знал») помогают сформулировать *тему стихотворения*: любовь во всех её проявлениях – основа жизни. Ведь, действительно, невозможно свести в одну плоскость любовь к ребёнку и к Родине, любовь к отцу и матери, любимому мужчине и женщине. Любовь к другу и великая и вечная любовь к Богу. И, конечно, не познав такой любви, человек не может чётко обозначить и цель своего существования. Не потому ли всё нарастающий сегодняшний ритм жизни, увеличивает её скорость так, что мы боимся понять, что движемся в пустоту, ибо без души нет любви, а значит, и жизнь теряет всякий смысл.

Какое место ей должен отводить человек? Кажется, на этот вопрос отвечает лирический герой Ю. Крашевского. Частое, и главное, акцентированное употребление глаголов («роднят», «светят», «сказал», «услышал», «повторил») говорит о динамичности, подвижности, живости самого чувства. И, действительно, любовь не бывает статичной. В связи с этим экспрессивен и *ритм стихотворения*: от напористо речитативного ямба первой строфы он с каждой строфой всё усложняется, и кажется, что лёгкая мелодия влюблённости переходит в целую симфонию настоящего глубокого и сложного чувства. Любовь и всё, что с ней связано – это всегда что-то личное. И с помощью частого употребления личных местоимений, либо

слов, близких к ним по смыслу в контексте данного стихотворения, автор словно приоткрывает нам завесу сокровенной тайны лирического героя.

Образ лирического героя в стихотворении достаточно размыт, однако мы видим, что от легкого намёка в первой строфе, автор постепенно переходит к уверенному *Kocham siebie (люблю тебя)*. И это признание в любви на польском языке – в первую очередь, есть отношение к людям всех наречий, к жизни и миру, к Богу и любовь Всевышнего к человеку. Однако счастливым, по мнению автора, можно назвать того, кто сам хоть однажды изрёк это слово, или услышал его от другого. И «найсчастливейшим» поэт называет того, кто в жизни хоть раз «говорил», «слышал» и «повторял» его.

И как важно, если в этой жизни тебя любят не только мать и отец, друзья и верная подруга, но и окружающие тебя люди. Потому слово «люблю» является лейтмотивом стихотворения, его рефреном. Им завершается каждая строфа. Не забывает автор и о божественной стороне любви, напоминая читателю, что это чувство даровано нам свыше, говоря в третьей строфе уже устами Бога. Три последующие строфы повествуют о счастливой любви, то есть чувстве, обретшем взаимность. Седьмая строфа – воплощение самой чистой и самоотверженной, бескорыстной любви – родительской и дружеской, вкупе с верностью, без которой любовь становится пошлостью. Именно ей резко противопоставлена она в предпоследней строфе. Здесь лирический герой, поэтапно показавший нам до этого все аспекты любви, подводит читателя к кульминации своих суждений – противопоставлению чувства как такового и неспособности любить.

Автор, кажется, убеждает читателя, что жизнь человека, лишённая эмоций, скучна и бессмысленна. Любовь на земле не заканчивается, она имеет своё продолжение и на небе. А там она уже, по выражению поэта, – «музыка сфер». Об этом и стихотворение И. Крашевского «Солнце» [4, с. 111]:

*Моё ты небо, дивная картина!
Мои вы звёзды, вам дано светить!
Скажите. Почему, когда один я –
Без моей Зоси так тоскливо жить.*

*Вы также хороводы в небе водите
По парам, как и мы здесь на земле?
А месяц с солнцем, почему от встреч уходите,
Зачем вам Бог быть вместе не велел?*

*О, если мне стать солнцем вдруг понравится...
Я б не хотел!.. так грустно одному,
Ведь на рассвете, чуть заря проявится –
Все в небе уступают путь ему.*

*Что блеск и свет, когда ты одинокое.
Исчезнут все, чуть подойдешь поближе.
Мне жаль тебя, о солнце ясноокое!
Вдвоём теплей, хоть здесь темней и ниже!*

*Отец, создавший небеса высокие!
Соедини нас поскорей двоих!
Близки сердца, дороги к ним далёкие...
Господь, соедини детей твоих!*

Автор уверен, что в этом сложном и противоречивом мире человек, даже если он очень значим и велик, не может быть счастливым, живя в гордом одиночестве (*что блеск и свет, когда ты одинокое*).

Стихотворение «Земля польская...» [4, с. 111] тоже о любви, но любви патриота, человека, очарованного шёпотом деревьев, её святынями, людьми:

*Земля моя польская, мать ты родная, святая!
Вся пропиталась ты кровью невинных... Чего же
Лик твой печальный под небом чужим вспоминаем,
А вкус хлеба ржаного нам яств чужеземных дороже!
А того, кто забудет о них в окруженье красот итальянских,
Пускай братья его проклянут как отступника грязного!
Ты – старое кладбище, в пустынных руинах святыня.
И любой твой ручей, мнится, полон слезами людскими.
Когда ж вихрь зашумит в твоей старой дубраве печальной,
Словно слышатся стоны и всхлипы, и песнь погребальная...
Шёпот древ твоих грустен, как речь человечья,
Но, очарованный им, вновь стремится сюда бесконечно,
И от счастья летит к твоим болям, хотя б на пробитом крыле
Тот, чьим очам свет открылся на этой земле.*

Для лирического героя польская земля святая, родная, она – мать, которая любит своих детей просто за то, что они есть. Любит и гордится ими. Чувство любви переплетается с чувством горечи, тревоги, боли, обиды за её историю, пролитую «кровь невинных». Несмотря на то, что польская земля пропитана кровью, «полна людских слёз», «грустных песен» – это земля предков, которая достойна почитания.

Ключевые слова лишь подчёркивают эту мысль («печальный лик», «кто забудет, того проклянут», «всхлипы», «шёпот», «от счастья летит», «чьим очам свет открылся на этой земле»). Лирический герой посылает упреки тем, кто в трудные для отечества минуты сбежал в жаркие и чужие страны, предрекает им несчастья: они «будут прокляты как грязные отступники».

Сравнивая польскую землю с кладбищем, где царят печаль и людские слёзы, где даже шум деревьев грустен и печален, где слышны «стоны и всхлипы, песнь погребальная», лирический герой испытывает уверенность в том, что даже эта грустная картина его очаровывает. Ему хочется вернуться

в родные края, «хотя б на пробитом крыле», потому что только на родине может «очам свет открыться».

Стихотворение воспринимается и как обращение к потомкам, и как переживания о горьких страницах истории польской земли, и как сострадание к тем, кто её «залил слезами», и обида за её «грязных отступников». Любовь не только к своему милому краю, но к родным и любимым воспевает Ю. Крашевский в стихотворении «Чужие края» [18, с. 29–30]:

*Там, за синими морями,
Зеленой листва деревьев,
Там поля пестрят цветами,
Золотые текут реки.
Мне ж милей в своей сторонке,
Чем в чужом далёком крае,
Без неё – в разлуке долгой –
Сердцем я томлюсь, скучаю...
Апельсинные там рощи,
Благовонные жасмины,
Из скалы там бьёт источник,
В розах дивные долины.
Мне ж милей и т.д.
Так рассказ свой вёл когда-то
Путник, воротясь с чужбины,
Говорил, там люд богатый,
Мол, не жизнь там, а малина.
Мне ж милей и т.д.
Там не счесть девиц-красавиц,
Об одной тоскую ныне –
На щеках зардел румянец, –
Без неё, как перст в пустыне...
Мне ж милей и т.д.
Даже жаль беднягу стало,
Так иссох он по девчонке;
Хватит, вдруг само сказалось, –
Там теперь твоя сторонка.
Там, где сердце поселилось,
Где найдёшь ты рай с любимой,
Край уж не чужой, а близкий,
И теперь навек родимый!*

(1838)

Стихотворение Ю. Крашевского было написано в период после освобождения его из тюрьмы, когда он жил под надзором полиции сначала в Вильне, а затем в собственных поместьях на Полесье и Волыни. Описывая природу чужого края, автор с любовью говорит о той далёкой и дивной природе, которая будоражит его воображение, восхищает. Выстраивая

стихотворение в форме диалога, автор сопоставляет «жизнь малину» в чужих местах с ощущением лёгкости в родных, отдавая предпочтение второму. Вместе с тем лирический герой выражает уверенность в том, что «родными» можно назвать не только те края, где родился и вырос, но и те, где нашёл свою любовь и счастье. И тогда чужие края становятся тоже близкими и родными. Поэтому с такой любовью автор описывает прелести чужбины, её дивные долины и рощи.

Лирический герой убеждён в том, что родной край – это тот, где «поселилось сердце», где «найдёшь ты рай с любимой». Только тогда чужой край может стать близким. Называя себя скитальцем, познавая чужие страны, лирический герой Ю. Крашевского ещё больше убеждается в том, что никакие дальние горизонты и культуры так не греют душу, как родные края.

О двух родинах Ю. Крашевского Долгом (Беларусь) и Романове (Польша) стихотворение Р. Гусевой «Долгое и Романов» [5, с. 143]⁴:

*Долгое и Романов связаны по судьбе
Именем человека просто невероятного.
Хотя о нём, мой читатель, мало известно тебе.
Много ещё в истории для нас непонятного.
В Долгом на месте усадьбы – буйное разнотравье.
В Романове светлой памятью каждый твой шаг пронизан.
И, даже если кому-то это совсем не нравится,
Дорого сердцу Долгое, душе же Романов близок.
Душа в познании истины – здесь есть ей на что опереться:
Книги, картины, стены, памятью укреплённые.
Правда, Долгое – родина. Родина скажет сердцу
Главное, молча, одними своими лугами зелёными.
Тот человек был сложен, сложен непостижимо.
В разные времена жил, по разным странам скитался.
Не подчиняясь правилам, творил он неудержимо,
И множеством сочинений на книжных полках остался.
Но рушатся государства, оставив одни обломки.
Так уж устроен мир наш – он немного ценит.
И то, что было заведено, редко читают потомки.
Бродят в стенах музеев героев бледные тени.
И всё же тянусь душою я в этот мир, Романов.
Мир, оставленный в прошлом, существующий для немногих.
Будем смотреть на вещи просто и без обмана –
Тщетны людские усилия, в прошлое нет дороги.
Старый Куплин и Долгое мы отыскали летом.
Закрытые файлы в компьютере друзья для меня открыли.*

⁴ Руслана Гусева – поэт, в прошлом брестский журналист, исследующий историю и культуру белорусско-польского пограничья. Публикуется в периодических изданиях. Сборник поэзии и прозы «Моя пора» выражает ретроспективный взгляд автора на главные жизненные ценности.

*Так почему ты, Романов, мне всё же снился при этом?
Я видела себя аистом, птицей с белыми крыльями.*

Стихотворение повествует о двух Родинах известного польского поэта-титана Юзефа Игнация Крашевского: белорусском поместье под Пружанами – Долгом и польском поместье – Романове.

Здесь, в Долгом, сами стены «памятью укрепленные», указывают душе истину своими «лугами зелеными», одним своим молчанием, которое скажет больше, чем слова. А в Романове, где по-прежнему, «поэзия живёт» оставлены на книжных полках множество сочинений И. Крашевского, человека невероятной судьбы, который творил «неудержимо», «в разные времена жил, по разным странам скитался» и который умел ценить жизнь.

Лирический герой высказывает горькие разочарования тем, что мир, в котором мы живём, немного умеет ценить, и что потомки обычно не берут в пример опыт своих предков. А ведь мирская слава преходящая, и всё, что теперь осталось от героев – это их бледные тени, бродящие в музеях.

Первая и последняя фразы («Долгое и Романов связаны по судьбе» и «Бродят в стенах музеев героев бледные тени») составляют композиционное кольцо, и ещё раз подчёркивают, что человеческая жизнь быстротечна и всё это наводит грусть о чём-то безвозвратно утерянном.

Тема стихотворения – малая родина, и идея – она навсегда остаётся с человеком. Лирический герой уверен, где бы человек ни находился, сколько бы ни менял своих обитаний места, у него всегда есть место, где он может быть спокоен и счастлив – это место, где он родился и вырос.

Лирический герой дорожит Долгим, потому что оно «дорого сердцу»: молчание расскажет о красоте природы и о далёком безоблачном детстве. Дорог ему и Романов, потому что он «близок душе», находящейся в познании истины, душе, которая здесь «творит неудержимо». Вместе с тем уже в четвёртой строфе лирический герой выражает горечь о том, что творения необыкновенно талантливой личности, служившей во благо людям и родине, не были оценены по достоинству, что потомки редко читают завещания своих предков, а в стенах музеев нынче бродят всего лишь «бледные тени».

Динамику жизни лирического героя отражают глаголы: «опереться», «скитался», «жил», «остался», «рушатся», «ценят», «бродят». Они создают ощущение стремительности, мятежности духа, беспокойства. Первые глаголы «пронизан», «опереться» создают символическое ощущение надёжности, уверенности в незыблемости чувства патриотизма. «Скитался» и «остался» демонстрируют читателю извечную истину: всё возвращается на круги своя.

Таким образом, лирический герой, а вместе с ним и автор, предлагают читателю подумать о поиске истины, о том, что есть духовная ценность для человека, непостоянство мира, неизведанные тайны человеческой души и история Отечества. Об этом стихотворение «Романов» [17]:

*Как там было радостно – как здесь уныло стало!
Словно кто-то мир окутал тёмным покрывалом.
Времена меняются! И чувства иные!
Розы детства отцвели, тернии там ныне!
И смеюсь натужно я, и смеюсь неискренне,
И теперь чужая радость кажется мне выспренной.
Было всё другим совсем – помню дом старинный...
Среди леса, на ольхах гнёзда аистиные,
И свисали до земли елей чёрных лапы,
И казался мне их шум шёпотом монахов.
Я, бывало, там грустил...Та грусть молодая –
О! сейчас дороже мне, чем радость иная –
В ней надежды расцветали, как в бутоне розы,
Ныне тяжко на душе, я смеюсь сквозь слёзы... (Дрезден)*

В стихотворении звучит обращение к последующим поколениям ценить свою «малую родину», её культурное наследие, которое в Брестско-Подляском Пограничье принадлежит разным славянским народам и культурам, но имеет общую судьбу и ценность для мировой литературы.

Литература

1. Бахтин М. Эстетика словесного творчества / Бахтин М. – М. : Художественная литература, 1979. – 341 с.
2. Бобков И. Этика пограничья : транскультурность как белорусский опыт / И. Бобков // Перекрёстки. – Минск, 2005. – № 3–4. – С. 133.
3. Гусева И. На языке любви / Гусева И. – Брест : Альтернатива, 2010. – С. 146–149.
4. Гусева Р. К Крашевскому в Долгое / Р. Гусева // К Крашевскому в Романов и Долгое. Стихи и проза. – Брест : Альтернатива, 2009. – С. 110.
5. Гусева Р. Третья попытка. Лирика. Переводы / Гусева Р. – Брест : Альтернатива, 2010. – С. 143.
6. Жигалова М. Типология анализа произведений русской литературы : [монография] / Жигалова М. – Брест : БрГУ им. А.С. Пушкина, 2004. – 299 с.
7. Жигалова М. Интерпретация и анализ в литературе : теория и методика : [монография] / Жигалова М. – Брест : БрГУ имени А.С. Пушкина, 2011. – 299 с.
8. Жигалова М. Этновитальность и мультикультурность в литературе : поэзия. Интерпретация и анализ : [монография] / Жигалова М. – Saarbrücken, Germany : «Palmarium Academic Publishing GmbH&CO. KG», 2012. – 305 с.
9. Жигалова М. Художественное произведение как межкультурный универсум : теоретические и методические концепты анализа / М. Жигалова // В мире словесности : сборник научных работ, посвящённых юбилею профессора Л. Возьнюк. – Тернополь : «Вектор», 2011. – 192 с.

10. Жигалова М. Саморазвитие читателя в современном мультикультурном пространстве / М. Жигалова // Образование и саморазвитие. – Казань : Издательство ООО Центр инновационных технологий, 2014. – № 2 (40). – С. 221–225.

11. Жигалова М. Мультикультурная проявленность русскоязычной литературы Беларуси / М. Жигалова // Наукові записки Луганського національного університету. – Серія «Філологічні науки». Дискурсологія : мова, культура, суспільство : збірник наукових праць. – Луганськ : Видавництво ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2014. – № 2 (40). – 224 с.

12. Жигалова М. Чтение как средство развития личности и постижения психологии человека / М. Жигалова // Образование и саморазвитие. – Казань, 2015. – № 3 (45). – С. 332–341.

13. Жигалова М. Отражение мультикультурности в русскоязычной лирике Беларуси (на примере творчества Н. Ковалевича и Л. Красевской) / М. Жигалова // Качество языкового и литературного образования : содержание и методика обучения : сборник научных статей. – Минск : РИВШ, 2011. – 320 с.

14. Жигалова М. Картина мира и мультикультурность в творчестве русскоязычных поэтов Беларуси / М. Жигалова // Русский язык и литература. – Минск : [б. и.], 2011. – № 7. – С. 22–34.

15. Жигалова М. Мультикультурность в творчестве русскоязычных поэтов Беларуси и её интерпретация в учебных целях / М. Жигалова // Русский язык и литература во времени и пространстве. – Шанхай (Китай) : [б. и.], 2011. – Т. 4. – С. 537–544.

16. Исследование проблем белорусско-польского пограничья в контексте расширения Евросоюза. – Минск : [б. и.], 2004.

17. К Крашевскому в Романов и Долгое. Стихи и проза / [сост. Р. Гусева]. – Брест : Альтернатива, 2009. – С. 91–92.

18. Крашевский Ю. Дары пилигрима. Стихи / Крашевский Ю. – Брест : Альтернатива, 2010. – С. 29–30. – С. 47–48.

19. Keller Gottfrid. Zehn Thesen zur Neuorientierung des interkulturellen Lernens / Keller Gottfrid. – Berlin, 1996. – S. 43, 227–235.

20. Lutz Küster. Zur Verbindung von Intertextualität und Interkulturalität : Literaturdidaktische Anregungen... – S. 26.

21. Смелкова З. Педагогическое общение. Теория и практика учебного диалога на уроках словесности / З. Смелкова. – М. : [б. и.], 1999. – 231 с.

References

1. Bakhtin M. Estetika slovesnogo tvorchestva / Bakhtin M. – М. : Khudozhestvennaia literatura, 1979. – 341 s.

2. Bobkov I. Etika pohranichia : transkulturnost kak belorusskii opyt / I. Bobkov // Perekrestki. – Minsk, 2005. – № 3–4. – S. 133.

3. Huseva I. Na yazyke liubvi / Huseva I. – Brest : Alternativa, 2010. – S. 146–149.

4. Huseva R. K Krashevskomu v Dolhoe / R. Huseva // K Krashevskomu v Romanov i Dolhoe. Stikhi i proza. – Brest : Alternativa, 2009. – S. 110.
5. Huseva R. Tretia popytka. Lirika. Perevody / Huseva R. – Brest : Alternativa, 2010. – S. 143.
6. Zhyhalova M. Typolohiia analiza proizvedenii russkoi literatury : [monohrafiia] / Zhyhalova M. – Brest : BrHU im. A.S. Pushkina, 2004. – 299 s.
7. Zhyhalova M. Interpretatsiia i analiz v literature : teoriia i metodika : [monohrafiia] / Zhyhalova M. – Brest : BrHU imeni A.S. Pushkina, 2011. – 299 s.
8. Zhyhalova M. Etnovitalnost i multikulturnost v literature : poeziia. Interpretatsiia i analiz : [monohrafiia] / Zhyhalova M. – Saarbrucken, Germani : «Palmarium Academic Publishing GmbH&CO. KG», 2012. – 305 s.
9. Zhyhalova M. Khudozhestvennoe proizvedenie kak mezhkulturnyi universum : teoreticheskie i metodicheskie kontsepty analiza / M. Zhyhalova // V mire slovesnosti : sbornik nauchnykh rabot, posviashchennykh yubileiu professora L. Vozniuk. – Ternopol : «Vektor», 2011. – 192 s.
10. Zhyhalova M. Samorazvitie chitatelia v sovremennom multikulturnom prostranstve / M. Zhyhalova // Obrazovanie i samorazvitie. – Kazan : Izdatelstvo OOO Tsentri innovatsionnykh tekhnolohii, 2014. – № 2 (40). – S. 221–225.
11. Zhyhalova M. Multikulturnaia proiavlennost russkoiazychnoi literatury Belarusi / M. Zhyhalova // Naukovi zapysky Luhanskoho natsionalnogo universytetu. – Seriia «Filolohichni nauky». Diskursolohiia : mova, kultura, suspilstvo : zbirnyk naukovykh prats. – Luhansk : Vydavnytstvo DZ «LNU imeni Tarasa Shevchenka», 2014. – № 2 (40). – 224 s.
12. Zhyhalova M. Chtenie kak sredstvo razvitiia lichnosti i postizheniia psikholohii cheloveka / M. Zhyhalova // Obrazovanie i samorazvitie. – Kazan, 2015. – № 3 (45). – S. 332–341.
13. Zhyhalova M. Otrazhenie multikulturnosti v russkoiazychnoi lirike Belarusi (na primere tvorchestva N. Kovalevicha i L. Krasevskoi) / M. Zhyhalova // Kachestvo yazykovoho i literaturnoho obrazovaniia : sodержanie i metodika obucheniia : sbornik nauchnykh statei. – Minsk : RIVSh, 2011. – 320 s.
14. Zhyhalova M. Kartina mira i multikulturnost v tvorchestve russkoiazychnykh poetov Belarusi / M. Zhyhalova // Russkii yazyk i literatura. – Minsk : [b. i.], 2011. – № 7. – S. 22–34.
15. Zhyhalova M. Multikulturnost v tvorchestve russkoiazychnykh poetov Belarusi i ee interpretatsiia v uchebnykh tseliakh / M. Zhyhalova // Russkii yazyk i literatura vo vremeni i prostranstve. – Shankhai (Kitai) : [b. i.], 2011. – T. 4. – S. 537–544.
16. Issledovanie problem belorussko-polskoho pohranichia v kontekste rasshireniia Evrosoiuza. – Minsk : [b. i.], 2004.
17. K Krashevskomu v Romanov i Dolhoe. Stikhi i proza / [sost. R. Huseva]. – Brest : Alternativa, 2009. – S. 91–92.

18. Krashevskii Iu. Dary pilihrima. Stikhi / Krashevskii Iu. – Brest : Alternativa, 2010. – S. 29–30. – S. 47–48.
19. Keller Gottfrid. Zehn Thesen zur Neuorientierung des interkulturellen Lernens / Keller Gottfrid. – Berlin, 1996. – S. 43, 227–235.
20. Lutz Küster. Zur Verbindung von Intertextualität und Interkulturalität : Literaturdidaktische Anregungen... – S. 26.
21. Smelkova Z. Pedagogicheskoe obshchenie. Teoriia i praktika uchebnoho dialoha na urokakh slovesnosti / Z. Smelkova. – M. : [b. i.], 1999. – 231 s.

*Статтю рекомендовано до друку
доктором педагогічних наук, професором,
професором кафедри української і світової літератури та методики навчання
ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет
імені Григорія Сковороди»
Токмань Ганною Леонідівною*

Стаття надійшла до редакції 17 серпня 2016 року